

Курамшина Ю.В.

УДК 008:930.1

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ П.М. БИЦИЛЛИ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ДВИЖЕНИЮ

Вопрос об отношении П.М. Бицилли к евразийству чрезвычайно важен и заслуживает внимания как с точки зрения выяснения историсофских позиций ученого, так и в плане более полного раскрытия этого сложного и неоднозначного движения. В справочной и научной литературе П.М. Бицилли зачастую представлен как активный участник, зачинатель и даже идеолог евразийского движения. **Целью** данной статьи является попытка выяснить правомерность подобного рода утверждений на основе анализа работ историка. В связи с этим, актуальной представляется постановка следующих исследовательских **задач**:

- проанализировать работы П.М. Бицилли, вышедшие в евразийских сборниках;
- определить степень соответствия содержания работ ученого основным положениям концепции евразийства;
- показать отношение историка к движению евразийства со второй половины 20-х годов XX века.

В 20-е годы в русской эмигрантской среде оформилось новое идейное течение – евразийство. Оторванность от родины, потребность в осмыслении происходящих на родине событий и поиск возможных путей возрождения страны привлекли к нему виднейших представителей русской интеллигенции. В центре теоретических исканий евразийцев стоял вопрос о роли России – «Евразии» в отношениях между Востоком и Западом, обоснование ее особого исторического значения как «срединного мира». В связи с этим на Россию возлагалась определенная мессианская роль в создании новой мировой культуры, основанной на чистоте православной веры, «рядом с которой католичество и протестантство рассматривалось лишь как разные степени еретических уклонов» [8]. Евразийцы отрицательно относились к идее единства культурно-исторического процесса и наличию общечеловеческих начал в культурной жизни. Исторический процесс в их представлениях часто оказывался лишенным общих закономерностей (кроме закона цикличности) и являл собой смену различных типов локальных культур, эквивалентных по значимости и различающихся по направленности развития. В рамках данного подхода евразийцы настаивали на своеобразии и неповторимости каждой культуры, а само движение носило ярко выраженную антиевропоцентристскую направленность. Соответственно этому, «евразийцы развили идею Данилевского о том, что ориентация на Европу, болезнь подражательности, которой страдает еще не достигшая уровня цивилизации русская культура, может привести ее к гибели» [9, с. 294]. Работы евразийцев сразу привлекли к себе внимание эмигрантской общественности, а поднятые ими проблемы активно обсуждались в зарубежной печати.

Первой яркой заявкой нового направления стала публикация в 1921 году в Софии сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», авторами которого являлись экономист и географ П.Н. Савицкий, лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой, философ и богослов Г.В. Флоровский, искусствовед П.П. Сувчинский. Вслед за первым сборником последовала вторая книга – «На путях. Утверждение евразийцев» (1922) и еще три книги под общим названием «Евразийский временник» (1922). Со временем к основоположникам направления примкнули историк Г.В. Вернадский, историк и философ Л.П. Карсавин, правовед Н. Н. Алексеев, литературовед Д.П. Святополк-Мирский и другие. Зачинатели движения ценили П.М. Бицилли и стремились привлечь его к сотрудничеству. Так, Г.В. Флоровский в письме Н.С. Трубецкому 16 марта 1922 г. рекомендовал П.М. Бицилли словами: «...он очень талантлив и жив мыслью» [цит. по: 6, с. 293]. Бицилли, нуждавшийся в заграничных контактах и разделявший саму *идею* евразийства, откликнулся на их предложение: на первый сборник евразийцев он напечатал рецензию, а затем опубликовал две статьи во втором и третьем сборниках. Эти факты дали некоторым исследователям основания рассматривать творчество ученого в «евразийском» контексте. Наиболее объективной представляется позиция авторов, оспаривающих эти утверждения (Б.С. Каганович [6], М.А. Бирман [1] и другие).

Так, уже в рецензии на первый сборник «Исход к Востоку. Утверждение евразийцев», П.М. Бицилли критически высказывается в адрес искусственного отделения евразийцами России от Европы, делающих ставку на восточные связи: «...цивилизация, конечно, продукт культуры. Но она в то же время и ее фактор. Каково бы ни было непосредственное культурное влияние Европы на Россию, влияние европейской цивилизации огромно. И уже одно это не могло не приблизить русский культурный тип к западноевропейскому. Возвратов же назад история не знает» [цит. по: 8].

Не согласен был П.М. Бицилли и с попыткой противопоставления Запада и Востока в евразийской концепции. В статье «Восток» и «Запад» в истории Старого света» (1922), вышедшей во втором сборнике, историк пытается не столько опровергнуть данное положение, сколько «выдвинуть такие точки зрения, с которых открывались бы новые стороны в истории развития культурного человечества» [3, с.22]. Ученый указывает на то, что антагонизм Востока и Запада в Старом Свете может значить не только антагонизм Европы и Азии: у самого Запада имеются «свой Восток» и «свой Запад» (романо-германская Европа и Византия, потом Русь) и это же применимо и к Востоку («Иран» и «Туран», Центральная Азия и Ближний Восток, степной мир в центре Евразийского материка и Китай).

Кроме того, П.М. Бицилли показывает, что история Старого Света не исчерпывается борьбой этих двух начал, и указывает на синхронное развитие в древности общих для Запада и Востока тенденций (здесь он опирается на факты политической и культурной истории, религиозно-философского развития). Концепции истории Старого Света, как истории дуэли Запада и Востока, Бицилли противопоставляет «концепцию

взаимодействия центра и окраин». Он выделяет четыре обособленных от главной массы материка «окраинно-приморских центра» – Европа, Иран, Индостан и Китай. Именно им, по мнению ученого, всегда принадлежала творческая, созидательная роль в Старом Свете. Между окраинно-приморскими «мирами» Старого Света лежал свой особый мир кочующих степняков, «турок» или «монголов», дробящийся на множество вечно меняющихся военных союзов. Именно Средняя Азия – «прекрасная, нейтральная, передаточная среда» [3, с.30] – долгое время была местом скрещения «окраинно-приморских культур», а также фактором их распространения и внешним условием для выработки культурного синкретизма. Эпоха синхронизма и внутреннего единства Старого Света охватывает, с точки зрения Бицилли, период от 1000 г. до н.э. до 1500 г. н.э. Ее завершение он связывает со смертью Тимура и «гибелью» Средней Азии: торговые пути надолго переместились с суши на море, прервались связи Запада с Востоком. «...Из четырех великих центров культуры один – Иран – духовно и материально поникает, три остальных изолируются друг от друга. Китай застывает в своей религии социальной морали, вырождающейся в бессодержательную обрядность; в Индии религиозно-философский пессимизм, в соединении с политическим порабощением, приводит к духовному оцепенению» [3, с.30]. В Западной Европе, оторвавшейся от источников своей культуры, утратившей связь с центрами возбуждения и обновления ее мысли, «совершается последовательная деградация великих идей, завещанных Востоком» [3, с.30].

Возможность возрождения Старого света историк видит в восстановлении нарушенного культурного единства, доказательства чему он находит в возрождении Востока как результате его «европеизации» (т.е. усвоения того, чего не доставало Востоку и чем силен Запад, – технических средств, того, что относится к современной цивилизации) без утраты индивидуальности. Культурную задачу нашего времени ученый представляет себе как «взаимное оплодотворение, нахождение путей к культурному синтезу, который бы, однако, проявлялся всюду по-своему, будучи единством в многообразии» [3, с.31]. В возрождении Старого Света П.М. Бицилли отводит России особую роль, дополняя традиционное истолкование русской «мировой миссии» как «щита» между Европой и Азией символом «пути». Россией не столько отделяется, сколько связывается Азия с Европой: «Она не только посредница в культурном обмене между отдельными азиатскими окраинами. Вернее, она меньше всего посредница. В ней творчески осуществляется синтез восточных и западных культур...» [3, с.31]. Новейшие судьбы России ученый рассматривает как грандиозную попытку восстановления центра и тем самым воссоздания культурной целостности Евразии, от исхода которой зависит будущее. Осуществить же свою «евразийскую» миссию, реализовать свою сущность нового евразийского культурного мира Россия может лишь на тех путях, на которых она до сих пор развивалась политически: из средней Азии и через Среднюю Азию – в приморские области Старого Света.

Необходимо отметить, что «Россия» в построениях Бицилли вовсе не тождественна «Евразии», а выступает как ее *часть*, рассматривается в «материковом» контексте. Кроме того, как выясняется из письма Н.С. Трубецкого к П.М. Бицилли, евразийцы были не согласны с рядом положений работы: «От Г.В.Флоровского я узнал, что Вы не желаете вносить никаких изменений в Вашу предназначенную для евразийского сборника статью? Изменения, о которых Вам писал П.Н.Савицкий, были предложены в результате обмена мнений между всеми нами. Я считаю, однако, необходимым указать Вам на несколько пунктов, которые я лично считаю в Вашей статье совершенно либо ненужными, либо вредящими общему впечатлению» [цит. по: 7]. Так, например, возражения вызвала характеристика «туранцев» как этнического типа и ряд других высказываний ученого. Несмотря на это, концепция П.М. Бицилли преодолевает ряд недостатков, присущих работам «истинных» евразийцев, отличается глобальным видением проблемы Восток–Запад–Россия, демонстрируя высокий потенциал евразийской идеи, который отнюдь не исчерпывается интерпретациями, возникшими в рамках движения [9, с.300].

В 1923 году евразийцами был издан сборник статей «Россия и латинство». Он явился реакцией православных мыслителей на намечившееся было тактическое «сближение» большевиков и католиков (имеется в виду деятельность католической миссии в России с разрешения советского правительства с целью помощи голодающим) [5]. В опубликованной в нем статье «Католичество и Римская церковь» [4] П.М. Бицилли дает развернутый очерк «деградации» католической идеи в современной католической Церкви, прослеживает процесс становления и роста в ней «авторитарных» и «тоталитарных» начал. Итогом этого процесса, по мнению историка, стал Ватиканский собор 1870 г., принявший решение о непогрешимости папы: «Раз определения папы, говорящего «с кафедры», не подлежат отмене сами по себе» *ex sese*, а не по решению Церкви ..., то значит Церковь, как духовное единство, перестает существовать, поглощается папой» [4, с.564]. Это решение вместе с другими актами («Syllabus» и «Схема о Римской курии» как притязания на контроль над гражданским обществом) не только разрушили Церковь, заменив ее римской курией, но и создали основу для абсолютной иерократии («власти жрецов»). Ученый считал, что в своем стремлении к тому, чтобы Бог был «всяческая во всех», Церковь перестала различать границу между теократией и иерократией.

По мнению П.М. Бицилли, важную роль в становлении новой Церкви сыграл Игнатий Лойола и созданный им Орден иезуитов (к этой теме ученый будет возвращаться еще не раз): «Самозабвенная преданность Церкви, безусловный, абсолютный отказ от своей воли, полное подавление своей личности, – таков был путь ко спасению, который он избрал для себя и на который он – гениальный пропагандист и организатор, – увлек за собой столь многих» [4, с.579]. Свои идеи иезуиты применили к Церкви, ставшей с этого времени правовым *учреждением* (а не *хранилищем Истины* как ранее), ценным своими формами, безотносительно наполняющего их содержания. В Римской церкви Нового времени усилия иезуитов, фактически руководящих ею, направляются на то, чтобы показать людям, что иго Господне благо и время

его легко, людские услуги покупаются ценой попустительства и нравственной неприхотливости. Католическая Церковь утратила связь с «миром», «вышла из истории», изжила себя, что в итоге и подтвердил вотум 18 июля 1870 г.

Очевидно, что данная работа представляет собой скорее исследование на историческую тему. Критически оценивая «тоталитарные» аспекты католицизма, П.М. Бицилли подходит к их рассмотрению «не с позиций [евразийства](#) или православия, а с точки зрения их несовместимости с «современной культурой» [6, с. 194].

Таким образом, рассмотренные выше работы П.М. Бицилли, опубликованные во втором и третьем евразийских сборниках, носят скорее историко-культурологическую направленность и не содержат никаких специфически «евразийских» идей (что было отмечено критикой того времени), а зачастую вносят в них определенные коррективы. На наш взгляд, тематика и содержание этих работ не могут служить основанием для причисления П. М. Бицилли к числу активных участников евразийского движения. Более того, с момента кристаллизации в рамках евразийства политических тенденций (с середины 20-х годов), работы П.М. Бицилли приобретают острый полемический характер («Два лика евразийства», «Народное и человеческое», «Наследие империи», «Что следует отрицать в «Утверждениях» и другие). Разделяя некоторые *идеи* евразийства («с одной стороны, идею единства русской нации, с другой – идею *федерации* евразийских земель и евразийских народностей» [2, с. 425]), историк увидел в самом *движении* тяготение к большевизму и опасные тоталитарные тенденции: «Исходя из соображений вероисповедных, оно [евразийство – Ю.К.] приходит (безразлично, высказано ли это категорически, или нет) к требованию безраздельного и неограниченного господства одной категории граждан над всеми другими, или, что на практике в евразийских условиях одно и то же, такого же господства одного народа над всеми прочими» [2, с.426]. Именно в этом, по мнению ученого, и обнаруживается второй лик евразийства – «лик соблазнительный, но и отвратный» [2, с. 424]. Помимо Бицилли, в полемику с евразийцами вступили и такие известные представители общественной мысли как Н.А. Бердяев, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милоков, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов.

Источники и литература:

1. Бирман М. А. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953). Штрихи к портрету ученого / М. А. Бирман // Избранные труды по средневековой истории : Россия и Запад / П. М. Бицилли; сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. – М. : Языки славянских культур, 2006. – С. 633-720.
2. Бицилли П. М. Два лика евразийства / П. М. Бицилли // Современные записки. – Париж, 1927. – Кн. 31. – С. 421-434.
3. Бицилли П. М. «Восток» и «Запад» в истории Старого света / П. М. Бицилли // Избранные труды по филологии / П. М. Бицилли; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наследие, 1996. – С. 22-35.
4. Бицилли П. М. Католичество и Римская церковь / П. М. Бицилли // Избранные труды по средневековой истории : Россия и Запад / П. М. Бицилли; сост. Ф. Б. Успенский; отв. ред. М. А. Юсим. – М. : Языки славянских культур, 2006. – С. 563-585.
5. Вахитов Р. Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией : [Электронный ресурс] / Р. Вахитов. – Режим доступа : <http://nevmenandr.net/eurasia/situacia.php>.
6. Каганович Б. С. К теме : П. М. Бицилли и евразийцы / Б. С. Каганович // Диаспора. Новые материалы. – СПб. : Феникс, 2001. – Вып. 2. – С. 291-299.
7. Никитин О. В. Европейская культура и бытовое исповедничество славянского мира : О концепции культуры князя Н. С. Трубецкого в свете его работ евразийского цикла : [Электронный ресурс] / О. В. Никитин. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/philology/40767.php>.
8. Омельченко Н. А. «Исход к Востоку» : Евразийство и его критики / Н. А. Омельченко // Евразийская идея и современность. – М. : Изд-во РУДН, 2002. – С. 10-29.
9. Хачатурян В. М. Истоки и рождение евразийской идеи / В. М. Хачатурян // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2007. – С. 289-301.

Луценко Н.А.

УДК 130.2

ТВОРЧЕСТВО И КУЛЬТУРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Существуют два принципиальных постулата в теории творчества, поддерживаемых подавляющим числом исследователей: творчество есть специфическая видовая особенность человека, самым существенным образом отличающая его от животного мира; творчество есть одно из самых активных состояний и проявлений человеческой свободы (В. В. Шаронов). Определение, данное В.В. Шароновым [7], позволяет рассмотреть творчество как процесс во временных и пространственных координатах. Однако, такая точка зрения обязывает исследователя к обозначению основных дефиниций указанного процесса, а именно: вектора процесса творчества; соотношения понятий «творчество» и «культура», «творчество» и «креативность».

Относительно направленности процесса творчества существует несколько точек зрения, согласно которым исследуется: